

НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

**ОТ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
К ПРАКТИКАМ ДЕКОНСТРУКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ**

Монография

Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора Е. В. Батаевой

Харьков
Издательство НУА
2017

УДК 316.74:37
ББК 60.562.62
О-80

*Рекомендовано ученым советом
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»
(протокол № 7 от 27.02.2017 г.)*

Рецензенты:

Воропай Т. С., д-р филос. наук, проф., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Харьковский национальный университет внутренних дел;

Копылов В. А., д-р филос. наук, проф., декан гуманитарного факультета, Национальный аэрокосмический университет им. Н. Е. Жуковского «ХАИ»;

Мамалуй А. А. – д-р филос. наук, проф., Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры теоретической и практической философии, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

У монографії розглянуто можливості рецепції концепцій комунікативної дії Ю. Хабермаса і деконструкції Ж. Дерріда в контексті сучасної теорії освіти; представлено критичний аналіз процесів інструменталізації освітніх практик; проаналізовано особливості комунікативізації сучасної освіти; розглянуто умови формування критичного мислення в сучасній науці.

Для студентів, аспірантів і викладачів соціологічного, філософського і гуманітарного факультетів, а також для тих, що цікавляться проблематикою сучасної теорії освіти.

2.3. На пути к науке логики Моды 2?

Тягло Александр

Во втором десятилетии XXI века образовательный статус логики в Украине и России нельзя признать ни высоким, ни даже удовлетворительным. К такому заключению приводит, в частности, сравнительный анализ ряда статей по теме логического образования, опубликованных несколько лет назад в авторитетном журнале «Философские науки» [Бажанов, Маркин, 2013, с. 98–109], [Хоменко, 2013, с. 110–119], [Тягло, 2013, с. 129–136], [Берков, Яскевич, Легчилин, 2013, с. 120–128]. Среди факторов, определяющих падение статуса логики В. А. Бажанов и В. И. Марков, И. В. Хоменко указали присоединение Украины и России к Болонскому процессу. В ходе соответствующих преобразований логика превратилась в «дисциплину по выбору», утратив в учебных планах гарантию не только разумных «часов», но даже самого существования.²¹ Она регулярно проигрывает другим «дисциплинам по выбору», оказываясь маргиналом учебного процесса. Вне сосредоточенного на философских факультетах единичных университетов узкого круга специалистов и студентов, «без страха и упрека» связавших с логикой свою судьбу, «логическая овчинка» обычно признается не стоящей усилий по ее «выделке»... Но если вспомнить метафору об образовании как зеркале общества, то низкий университетский статус логики более или менее точно отражает падение интереса к этой науке в ряде новых независимых государствах вообще.

Представители ученого сообщества обычно – и не безосновательно – склонны объяснять сложившуюся ситуацию внешними факторами: не только требованиями Болонского

²¹ Превращение логики в «дисциплину по выбору» произошло и в высших учебных заведениях Республики Беларусь. Однако здесь, если судить по статье В. Ф. Беркова, Я. С. Яскевич и А. А. Легчилина, его негативные последствия не зафиксированы [Берков, Яскевич, Легчилин, 2013, с. 120–128].

процесса, но и традиционной заикленностью деканатов на «профилирующих дисциплинах», низкой привлекательностью карьеры ученого в условиях «первоначального накопления капитала» в постсоветских странах или происходящим в некоторых из них «урезанием политических и экономических свобод» [Бажанов, Маркин, 2013, с. 109]. Не подвергая сомнению важность учета этих и подобных им факторов, нельзя упускать из виду и иные, связанные собственно с наукой логики.

Ограничусь сейчас только одним соображением. Иммануил Кант с 1755 по 1796 год читал лекции по логике в Кенигсбергском университете, материалы к которым в 1800 году были изданы под названием «Логика. Пособие к лекциям». В этом пособии логика была определена как «априорная наука о необходимых законах мышления, но не в отношении отдельных предметов, а всех предметов вообще; следовательно – наука о правильном применении рассудка и разума вообще... по принципам а priori...» [Кант, 1980, с. 323–324]. Однако ранее – в «Критике чистого разума» – знаменитый Кенигсбержец признал, что логику «можно рассматривать двояко: как логику или общего, или частного применения рассудка. Первая содержит безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и потому исследует его, не обращая внимания на различия между предметами, которыми рассудок может заниматься. Логика частного применения рассудка содержит правила правильного мышления о предметах определенного рода. Первую можно назвать начальной логикой, а вторую — органом той или другой науки» [Кант, 1994, с. 89]. Следовательно, согласно Канту, общая, или формальная, логика не исчерпывает науку логики, допуская «логику частного применения рассудка», связанную с рассмотрением «предметов определенного рода».

Хотя сегодня Кантов априоризм преодолен, логику по-прежнему часто представляют как независимую от предмета мышления, прикладываемую к нему, так сказать, извне. А некоторые ученые вопреки допущению Канта, полагают не только *необходимым*, но и *достаточным* изучать мышление

и излагать науку о нем вне соотношения с многообразными «предметами определенного рода» и опытом их постижения. Такое понимание сталкивается с трудными проблемами, некоторые из которых упомянуты выше.

К сказанному уместно добавить, что убедительное описание педагогических трудностей абсолютизации формальной логики дал Мартин Хайдеггер в лекциях, прочитанных еще в 1928 году в университете Марбурга. Эта логика, упорно преподаваемая профессорами, ничего не говорит студентам, констатировал знаменитый автор «Бытия и ничто». Она суха, как пыль, она приводит студентов в замешательство. Студенты не находят связи между этой логикой и своей академической подготовкой. Никак не понять, какая от нее польза... [Heidegger, 1984, p. 5]. Так не в претензии ли на *завершено-всеобщую нормативность*, для которой многообразие реальности и вариативность человеческого опыта ее освоения, по сути, безразличны, кроется подлинный источник маргинализации абсолютизированной «начальной логики»? Предлагаемая статья посвящена поиску ответа на поставленный вопрос с учетом фундаментальных изменений в мировой науке второй половины XX – начала XXI века.

Наука Моды 2

Мировая наука находится в процессе существенных трансформаций, на осмысление которых направлены разного рода исследовательские подходы. Один из них представлен книгой «Новое производство знаний. Динамика науки и исследований в современных обществах», опубликованной в 1994 году группой авторов во главе с британским ученым Майклом Гиббонсом [Gibbons, Limoges, Nowotny, Schwartzman, Scott, Trow, 1994, p. 1–192]. Но вопреки мировой экспансии этого подхода для отечественного научного сообщества он до сих пор остается едва ли не совершенно «белым пятном». Поэтому с тем, чтобы опереться на него как на основу осмысления наличного положения науки логики, коротко проанализируем его основное содержание.

Базовая идея команды Гиббонса состояла в том, что на протяжении нескольких последних десятилетий происходят существенные изменения в производстве знаний, которые охватили естественные, социальные и гуманитарные науки, а также технологию. Исходное состояние этих изменений получило название «Мода 1» (Mode 1), а, так сказать, «ближайший пункт прибытия» – «Мода 2».²² Перечень характерных особенностей производства знаний Моды 2 включал пять основных пунктов: 1) знания производятся в контексте использования; 2) трансдисциплинарность; 3) гетерогенность и организационное разнообразие; 4) социальная подотчетность и рефлексивность; 5) новый контроль качества (см., напр., [Gibbons, Limoges, Nowotny, Schwartzman, Scott, Trow, 1994, p. 1–3]). Результат длительного критического обсуждения указанных особенностей представлен в книге Хельги Новотны, Питера Скотта и Майкла Гиббонса «Переосмысливая науку: знания и публика в эпоху неопределенности», опубликованной в 2001 году [Nowotny, Scott, Gibbons, 2001], а также в статьях [Nowotny, Scott, Gibbons, 2001, i-ix, 1–288], а также в статьях [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 179–194], [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 39–51].²³ Далее обратимся к анализу именно этих – более зрелых – работ.

²² В отечественных публикациях и дискуссиях термин «Mode» переводится как «способ», «стиль», «режим»... Например, «Mode 2 knowledge production» переводят как «второй способ производства знаний». Хотя такого рода переводы удобны, они не вполне точны, поскольку акцентируют внимание на особенном функционировании, оставляя в тени функционирующую систему, учет состояния которой весьма существенен. По этой причине, а также проявляя уважение к характерной авторской терминологии, я перевожу «Mode» как «Мода». Тогда, например, термин «Мода 2» схватит не только особенное функционирование, но также особенное состояние функционирующей системы – ее элементный состав, структуру и т. д.

²³ Эта конфигурация авторов оказалась устойчивой. Далее буду называть ее командой Новотны с тем, чтобы отличать от первоначальной более многочисленной команды Гиббонса.

Знания Моды 2 генерируются в контексте использования. Это отличается от процесса использования, когда «чистая» наука, полученная в теоретической/экспериментальной среде, «приложена»; технология «перенесена»; со временем знания «направлены» (is «managed»). Напротив, заявляют Новотны, Скотт и Гиббонс, контекст использования – это целостная среда (total environment), в которой возникают научные проблемы, разрабатываются методологии, распространяются результаты, определяются их применения.

Второй характерной особенностью здесь является трансдисциплинарность, понимаемая как мобилизация для решения проблем ряда теоретических взглядов и практических методологий.²⁴ Однако, в отличие от интер- или мульти-дисциплинарности, она не выводится с необходимостью из ранее существовавших дисциплин и не всегда приводит к формированию новых. Творческий акт не в меньшей степени состоит в способности мобилизовать и направить взгляды и методологии, в их «внешней» оркестровке, чем в развитии новых теорий, концептуализаций и в усовершенствовании исследовательских методов, во «внутренней» динамике научной креативности. Конфигурация исследователей и других участников варьируется, часто порождая преходящие особенности рабочего стиля Моды 2. Команды собираются и по выполнению работы распадаются с тем, чтобы возродиться в иной конфигурации для решения следующей задачи. Иначе говоря, знания Моды 2 – в такой трансдисциплинарной форме – запечатлено в опыте отдельных исследователей и исследовательских команд так же сильно, а, возможно, и более, как оно изложено в обычных научных продуктах вроде журнальных статей или патентов [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 41] (ср. [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 186]).²⁵

²⁴ Данная трактовка трансдисциплинарности не является единственной. Среди иных наиболее известна восходящая к Жану Пиаже, а сегодня представленная, например, французским исследователем румынского происхождения Бесарабом Николеску [Nicolescu, 2010, p. 19–38].

²⁵ Уместно заметить, что задолго до команд Гиббонса и Новотны ограниченность дисциплинарной организации науки и научных

Третья особенность состоит в намного большем разнообразии площадок (sites) производства знаний и в связанной с этим растущей гетерогенности типов знаниевой продукции. Можно аргументировать, соглашаются авторы команды Новотны, что первое явление не особенно ново. Научные сообщества всегда были «виртуальными», преодолевающими национальные и культурные границы. Но изменилась динамика. Ранее взаимодействие внутри таких сообществ ограничивались рядом факторов – физическими (возможностью встречаться) и техническими (письма и телефоны). Сегодня же, вследствие прогресса информационно-коммуникационных технологий, взаимодействие практически ничем не ограничено и мгновенно. Упорядоченные иерархии, навязанные «старыми» технологиями взаимодействия, разрушаются коммуникационной общедоступностью. Описанный сдвиг интенсифицируется тем, что границы

исследований со всей определенностью констатировал Владимир Иванович Вернадский. «Дело в том, – писал он, – что рост научного знания XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по *проблемам*. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубиться в изучаемое явление, а с другой – расширить охват его со всех точек зрения» [Вернадский, 1991, с.67]. А в другом месте находим замечание, что проблемы, которые занимают мысль современного исследователя, не укладываются в рамки отдельной, определенной, сложившейся науки. И снова: «Мы специализируемся не по наукам, а по *проблемам*» [Вернадский, 1991, с. 118]. Важно, что это отнюдь не меткая догадка стороннего наблюдателя: постановка В. И. Вернадским проблемы ноосферы и попытка ее разрешения привела, среди прочего, к созданию совершенно новой для первой трети XX века науки – биогеохимии. Конечно, мы не обнаружим у него разделения мульти-, интер- и трансдисциплинарных подходов в представлениях о производстве знаний. Но для практикующего натуралиста тридцатых годов XX века указанное разделение вряд ли было первостепенной задачей. Достаточно того, что В. И. Вернадский, ясно осознав ограниченность дисциплинарного структурирования науки и соответствующей организации научных исследований, фактически преодолел ее в разработках проблемы ноосферы.

исследовательских сообществ сейчас открыты, допуская много новых видов «знаниевых» организаций наподобие мозговых центров, консультантов по вопросам управления, групп активистов, которые включаются в «исследовательские игры». Всеобщее проникновение информационно-коммуникационных технологий поддерживает и активизирует далее процесс социального распределения знаний, умножения площадок их производства [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 42] (ср. [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 187]).

Четвертая особенность знаний Моды 2 в рамках изучаемого подхода была усмотрена в том, что они весьма рефлексивны. Единый эпистемологический идеал нейтральной «точки зрения из ниоткуда» заменен признанием множества точек зрения, каждая из которых где-то локализована. Процесс исследования далее не может быть охарактеризован как «объективное» познание природного (или социального) мира, то есть бесстрастное редуционистское изучение произвольно определенного «иного». Он превращается в диалогический процесс, интенсивный (и, возможно, не имеющий конца) «разговор» между исследователями и предметами исследования – до такой степени, что базовому словарю исследования – кто, кому/чему, что, как – угрожает утрата значимости. В результате традиционные понятия о подотчетности как о форме внешней проверки выполненных научных работ или проектов следует радикально пересмотреть. На организационном уровне исследовательской системы имеет место отчетливый сдвиг от «культуры автономии» к «культуре подотчетности» (а «culture of accountability»). Последствия (предвидимые и непредвидимые) новых знаний не поддаются рассмотрению как «находящиеся снаружи» исследовательского процесса. Среды разрешения проблем влияют на выбор тем и на замыслы исследований так же, как и конечные цели использования [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 42] (ср. [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 187]).

Пятой характерной особенностью знаний Моды 2 утверждалось то, что возникают новаторские формы контроля ка-

чества. Ограничения традиционной, то есть дисциплинарно-обоснованной, системы экспертной оценки уже известны. Во-первых, для знаний Моды 2 научные «эксперты» не могут быть установлены надежно, ведь поставляющей таких «экспертов» устойчивой таксономии кодифицированных дисциплин больше не существует. Во-вторых, редуccionистские формы контроля качества не могут быть легко применены в случае намного более широко очерченных исследовательских вопросов: в исследовательскую «игру» вовлекается все больше игроков – не просто более широкий и эклектичный ряд «производителей», но и организаторов, посредников, распространителей и пользователей. В-третьих, и это вызывает наибольшую обеспокоенность, ясные и неоспоримые критерии определения качества в дальнейшем могут оказаться недостижимыми. Хотя научное совершенство (каким-либо образом определенное) остается необходимым, но ясно, что должны быть включены и дополнительные критерии – экономические, политические, социальные или культурные. Это означает, пояснили авторы команды Новотны, что нам следует учиться жить с множеством определений качества: данный факт серьезно усложняет процессы дифференциации, установления приоритетов, отбора, на которые должны полагаться те, кто определяет политику и осуществляет финансирование [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 43] (ср. [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 187–188]).

Сравнительный анализ репрезентативных публикаций рассматриваемого подхода приводит к выводу о том, что пять основных характерных особенностей производства научных знаний Моды 2, указанных командой Гиббонса в 1994 году, в течение последующих лет были прояснены и подтверждены. В публикациях команды Новотны их формулировки приобрели зрелую форму, что доказывается, в частности, практическим содержательным совпадением формулировок рассмотренных статей 2003 и 2006 года: они различаются лишь деталями. Тем самым были установлены надежные критерии идентификации производства научных знаний, науки Моды 2.

Наука общества Моды 2

В 2001 году команда Новотны выпустила в свет книгу «Переосмысливая науку: знания и публика в эпоху неопределенности. Ее главная цель определена как переосмысление науки в динамичном отношении с обществом. Представленная аргументация в самом простом виде может быть сведена к следующим утверждениям.

Наука Моды 2 получает развитие в контексте общества Моды 2 (а Mode-2 society). Это общество Моды 2 преодолевает присущую Модерну ограниченность разделения на дискретные домены вроде политики, культуры, рынка и, конечно же, науки и общества. Следовательно, в условиях Моды 2 (Mode-2 conditions) наука и бытие общества становятся трансгрессивными областями активности, которые «взаимно перемешаны» и реализуют коэволюционные тренды [Nowotny, Scott, Gibbons, 2001, p. 3–4].

Как видим, ключевое понятие Моды 2 получает расширенную область определения: оно характеризует уже не только науку, но и состояние всего современного общества.²⁶ Продвинутая наука Моды 2 перестает казаться «белой вороной» в сравнении с остальными частями социума, поскольку все они теперь утверждаются соответствующими неким общезначимым «условиям Моды 2». А основополагающим среди этих условий оказывается отказ от классической модели общества Модерна как совокупности взаимодействующих, но вместе с тем отдельных доменов: теперь они признаются существующими как части целого.²⁷ Действительно, они нераздельны

²⁶ Под современным обществом команда Новотны понимает, очевидно, продвинутое постмодерное общество, то есть информационное общество с быстро растущими зародышами «обществ знаний» (ср., напр., [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 190], [Towards Knowledge Societies, 2005, p. 1–220]).

²⁷ Дополнительное разъяснение находим, например, в статье 2003 года: «...крупные подсистемы модерности (Государство, Рынок, Культура – и Наука), когда-то явно разделенные, становились все более

(трансгрессивны, размыты) и взаимно согласованы в своем функционировании или развитии (коэволюционируют). В таком случае, например, сходство трансгрессивности частей современного социума и трансдисциплинарности познания не кажется случайным: «выход за границы» оказывается проявлением одного из коэволюционных трендов целого и его части.²⁸

Наше заключение состоит в том, утверждали авторы книги 2001 года, что более тесное взаимодействие науки и общества приводит к возникновению нового вида науки: контекстуализированной, или чувствительной к контексту (contextualized, or context-sensitive) [Nowotny, Scott, Gibbons, 2001, vii]. Важно то, что трактовка чувствительности к контексту в 2001 году более широка и богата по содержанию, чем признание в 1994 году производства знаний в контексте использования.

Во-первых, это чувствительность к широкому публичному пространству, названному *агорой*. Архаичный термин был выбран вполне сознательно, замечают Новотны, Скотт и Гиббонс. Он направлен на то, чтобы охватить политическую арену и рынок – и выйти за их границы. *Агора* выступает той средой генерирования и решения проблем, в которой происходит контекстуализация производства знаний. Она заполнена не только множеством конкурирующих «экспертов», организаций, институций, производящих и продающих знания, но и соперничающей «публикой». Это не просто политическая или коммерческая арена, где устанавливаются и финансируются

трансгрессивными. Эта размытость (fuzziness) помогла создать пространства трансакций, в которых развилось знание Моды 2 (и, возможно, новые социальные движения)» [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 190]. Следовательно, именно учет нераздельности подсистем постмодерного социума, его целостности ведет к пониманию специфики производства знаний Моды 2.

²⁸ К таким общим трендам сами авторы относят генерирование неопределенностей, что уменьшает возможность «пост-позитивистского планирования»; тесно связанную с ростом рефлексивности тенденцию к самоорганизации и т. д. (см. подробнее [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 190], ср. [Nowotny, Scott, Gibbons, 2001, p. 5]).

исследовательские приоритеты или где находки исследований распространяются, торгуются и используются. *Агора* – домен первичного производства знаний, через который люди входят в исследовательский процесс. Здесь знания Моды 2 находят свое воплощение в людях и проектах. На *агоре* завершаются споры касательно реализации научного потенциала [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 192].

Во-вторых, существенно обновилось понимание самого контекста использования. Его трактовка, опирающаяся на понятия иерархии, линейности и поэтому допускающая «позитивистские предсказания использования», кроет в себе опасное заблуждение, предостерегает команда Новотны. Напротив, на фоне неизбывной неопределенности будущего состояния знаний, из которого выводится их научный потенциал, нужно выйти за пределы познаваемого контекста использования – в непознаваемый контекст последствия (unknowable context of implication). Искатели знаний должны пытаться рефлексивно предвосхищать такого рода последствия исследовательского процесса [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 192] (ср. [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 50]).

В-третьих, был выделен ряд форм контекстуализации. Первая из них – «слабая контекстуализация». Национальные R & D программы оказываются здесь хорошим примером, поскольку, чтобы достичь цели, они должны упростить обе свои составляющие. Вторая форма – контекстуализация «в среднем ряду» (contextualization in the «middle range»), где кластеризована большая часть производства знаний Моды 2. В определении этой формы контекстуализации решающую роль играют так называемые «торговые зоны» («trading zones»), пространства транзакций и т. д. Третья форма – «сильная контекстуализация»: здесь работают мощные рефлексивные сочленения науки и общества (powerful reflexive articulations between science and society). Эта форма может быть весьма специфичной, связывая мир идей с самыми широкими социальными движениями вроде феминизма или защиты окружающей среды. Проведенное разделение, по мнению команды Новотны, устраняет опасность

отождествления контекстуализированного научного познания и сугубо прикладных исследований [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 192].

В связи с расширенным и обогащенным пониманием чувствительности науки «к широкому публичному пространству» вполне естественным представляется концептуальная инновация команды Новотны – понятие «социально добротных знаний» («socially robust knowledge»). Надежные знания (reliable knowledge) – традиционная цель научного исследования – больше не являются «(само?)достаточными» в возникающей сейчас более открытой знаньевои среде. Знания должны быть «социально добротными» также постольку, поскольку их валидность более не детерминирована исключительно или главным образом узко ограниченными научными сообществами. Вместо этого они детерминированы намного более обширными сообществами, включающими также цепку производителей, распространителей, торговцев и пользователей знаний [Nowotny, Scott, Gibbons, 2003, p. 191–192].²⁹

Апелляция к «социальному контексту» наблюдается и в последней из основных особенностей науки Моды 2 – распределенности научной компетентности и, соответственно, производства или экспертизы знаний. А обобщенная картина «переосмысливаемой науки» в «переосмысливаемом обществе» резюмирована командой Новотны следующим образом.

В книге «Переосмысливая науку...» описаны четыре процесса – коэволюция науки и общества в направлении Моды 2, контекстуализация, производство социально добротных знаний, конструирование нарративов экспертизы. Эти процессы сведены воедино, зачастую в конфликтной и спорной форме, на агоре. И они способны задать некую рамку для переосмысления

²⁹ По сравнению с приведенным фрагментом статьи 2003 года в статье 2006 года добавлено одно предложение: «В сравнении с надежными знаниями социально добротные знания не являются ни менее продвинутыми, ни менее совершенными; возможно, они высшие (superior)» [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 49].

науки. Коэволюция имеет место в открытой, явно более интегрированной системе взаимодействия общества и науки, что усиливает, с одной стороны, генерацию многообразия – в выборе научных проблем, коллег или институционального дизайна, а с другой – избирательную фиксацию определенных результатов выбора, мод или решений. Возрастающая проницаемость системы создает основания для большей контекстуализации и открывает пути обратной связи, направленной от общества к науке. Эти процессы, в свою очередь, ведут к социальной распределенности знаний, валидных не только в стенах лабораторий, но и вне таковых. Поскольку стены лабораторий открываются, все больше исследователей получают места на *agora*, таким образом расширяя круг взаимодействующих друг с другом экспертов. Научно надежные знания могут стать социально добротными только при условии, что общество воспримет процесс производства знаний как соучастие. Это, в свою очередь, предполагает взаимность: публика понимает, как действует наука, а наука понимает, как действует публика. Но взаимопонимание такого рода нуждается в руководстве неким представлением, включающим как приемлемые образы, так и понимание того, кем и как они были генерированы. Нами развито требуемое представление. Оно имеет процессуальный характер и приглашает к дальнейшим исследованиям [Nowotny, Scott, Gibbons, 2006, p. 50]. Такими словами Новотны, Скотт и Гиббонс заключили статью 2006 года, резюмирующую (промежуточные) итоги развития, заявленного в 1994 году и получившего в 2001 году существенное углубление подхода.

Проведенный анализ показывает, что выделение к началу 2000-х годов команда Новотны из первоначальной команды Гиббонса было связано с существенным углублением рассматриваемого подхода. Поэтому в ретроспективе, учитывая наличие двух особенных команд со своими особенными целями, в общем уместно говорить о едином, но внутренне дифференцированном подходе Гиббонса – Новотны.

В развитии подхода Гиббонса – Новотны произошел сдвиг от выявления и описания ряда характерных особенностей науки

Моды 2 к их объяснению на основе констатации коэволюции науки и общества «в направлении Моды 2». Таким образом понятие Моды 2 получило широчайшую область определения, схватывая уже не только науку, но и все общество. Производство научных знаний Моды 2 признается чувствительным к контексту *агоры*, к целостному социуму Моды 2. Именно органической связью разных доменов всеобъемлющей социальной системы наших дней, порождающей невиданные ранее «пространства трансакций», «торговые зоны» и т.п., объясняется оригинальность «нового производства знаний», его характерные отличия от функционирования науки Моды 1, типичной для Модерна.

В трактовке команды Новотны контекстуализация науки естественно связана с тенденцией перехода от научно надежных знаний к социально добротным. При этом требование социальной добротности не подразумевает какой-то вульгаризации или «дурного отрицания» научной надежности знаний, здесь уместно говорить скорее о повышении открытости науки в бытие и о преодолении допускаявшихся ранее упрощений. Можно сказать и так: полнота описания науки увеличивается, схватывая не только ее саму по себе, но и окружающую социальную среду.

На пути к логике Моды 2

В терминах подхода Гиббонса – Новотны приведенная выше кантовская дефиниция логики вполне идентифицируема как рефлексия европейской науки Моды 1, науки общества эпохи Модерна. Ни о какой действительной контекстуализации науки, социальной добротности знаний и тому подобных особенностях тогда речь не шла. Поэтому отнесенная ко второй половине XVIII – началу XIX века позиция Канта не вызывает отторжения. Но соответствует ли она наличной сегодня реальности мирового информационного общества с зародышами «обществ знаний»? Особенности науки и образования Украины или России?

В материалах, опубликованных в рамках подхода Гиббонса –

Новотны, мы не находим явного ответа на данный вопрос, что можно понять с учетом, по меньшей мере, двух обстоятельств. В фокусе интересов команд Гиббонса и Новотны находится не какая-то конкретная научная дисциплина в какой-то конкретной стране мира, а наука в целом как «крупная подсистема» продвинутого социума конца XX – начала XXI века. Кроме того, ими выполнено преимущественно социологическое исследование, более рефлексивное, чем эмпирическое. Поэтому ожидать здесь специальных доводов и выводов для логики – и для физики, психологии, филологии и т. д. – одной страны изначально не следует. Это – актуальный вызов для специалистов разных стран в области истории, социологии и философии логики / физики / психологии... Авторы команды Новотны, видимо, осознавали данный вызов – не случайно их публикации регулярно завершаются призывами к дальнейшим исследованиям.

Полная оценка логики в конкретной области социального пространства-времени предполагает ее обзор и анализ с учетом всей совокупности характерных особенностей науки Моды 2. Но в первом приближении допустимо ограничиться хотя бы одной, из них наиболее существенной, схваченной идеей контекстуализации.

В рамках подхода Гиббонса – Новотны контекстуализация непосредственно относится к *процессу* производства знаний. А можно ли говорить о контекстуальной зависимости *результатов* этого процесса, содержания производимых знаний? Иначе говоря, уместно ли говорить о содержании науки *логики*, которое имеет зависимую здесь-и-теперь от материи мышления и особенную природу? Если допустить абсолютизацию, в терминах Канта, «начальной логики», то на этот вопрос следует дать безусловно отрицательный ответ. Но приемлемо ли это сегодня?

В поисках ответа на поставленные вопросы обратим внимание, прежде всего, на опубликованную в 2015 году монографию одесской исследовательницы Л. Н. Сумароковой. В ней подвергнута критике распространенная практика *приложения* логики ко всем остальным наукам, которые в этом смысле

оказываются только пространственным ее воплощением, интерпретацией и подтверждением.³⁰ «На наш взгляд, – подчеркивает Л. Н. Сумарокова, – это весьма односторонний подход, ведущий к обеднению возможностей для развития логики как науки, к уменьшению и даже исчерпанию интереса к ней в других сферах познания и практики» [Сумарокова, 2015, с. 6–7].

Весьма существенным, далее, представляется учет разделения *логики формальной и материальной*, отмеченный в уже упомянутых лекциях Мартина Хайдеггер 1928 года.

Всякое реальное мышление имеет свою тему, поэтому оно связывается с определенным объектом, т. е. с определенным бытием, которое в каждом случае находится перед нами: некая физическая вещь, геометрический объект, историческое событие, «лингвистический феномен». Эти объекты (вещной природы, пространства, истории) принадлежат разным доменам... Мысленное определение, то есть формирование концепта (concept formation), в разных доменах происходит по-разному. Научное исследование этого мышления в каждом случае является соответственно разным: логика мышления в физике, логика математического мышления, филологического, исторического, теологического и, более того, философского мышления. Логика этих дисциплин связана с неким содержанием. Это – *материальная логика*, полагал Хайдеггер [Heidegger, 1984, p. 2–3]. А далее он добавил, что чистая и простая логика – «общая» логика («general» logic), которая не связана с мысленным определением ни вещной природы, ни пространства, ни истории, имеет своей темой мышление об X... Мышление, взятое как мышление о чем-то, с произвольным содержанием, является формальным – в противоположность материальному, которое релевантно своему содержанию. Это

³⁰ Такая практика описана, как представляется, В. Ф. Берковым, Я. С. Яскевич, А. А. Легчиным: «Учитывается то обстоятельство, что отдельные разделы логики не являются равноценными для специалистов разных профилей... Технические приложения логики существенным образом отличаются от ее приложений в социально-гуманитарной сфере» [Берков, Яскевич, Легчилин, 2013, с. 124].

формальное мышление не безобъектно. Напротив, оно весьма объектно-ориентировано, однако нейтрально относительно своего содержания. Общая логика, как знание формального мышления, есть *формальная логика* [Heidegger, 1984, p. 3–4].

Идею логики, которая имеет силу в том или ином особенном домене реальности, а поэтому является особенно-материальной и в этом смысле чувствительной к контексту по своему содержанию, можно найти в книге Стивена Тулмина «Использование аргумента», опубликованной в 1958 году. Британский философ полагал, что рассуждения в том или ином поле следует оценивать на основании принятых в нем норм, и нужно ожидать, что эти нормы будут зависеть от поля их принятия (will be field-dependent). Достоинства, которых требуют от рассуждений в одном поле, оказываются подлежащими исключению для полностью приемлемой аргументации в другом [Toulmin, 1958, p. 255]. Поэтому совокупность норм правильных рассуждений существенно зависит от того конкретного поля, в котором разворачивается познание или коммуникация, вырабатываются и воплощаются разнообразные решения. Иначе говоря, эти нормы чувствительны к контексту. Данное утверждение общей природы конкретизируется, например, в ряде современных разработок по юридической логике (ср., напр., [Сумарокова, 2015, с. 1–204], [Вступ до сучасної юридичної логіки, 2001, с. 1–198], [Тягло, 2015, с. 241–248]).

Сказанное не ставит под сомнение существование неких логических инвариантов, сохраняющих силу во всех полях социального пространства-времени. Их выявление и учет имеет некое теоретическое и практическое значение. Однако сами по себе они *не достаточны* для анализа или построения *нетривиальных* правильных рассуждений в том или ином из особенных полей: их значимость здесь весьма ограничена.

Таким образом, идея контекстуальности постепенно пробивает себе путь в науке *логики*. А как обстоит дело с *наукой* логики? В серии статей «Философских наук» 2013 года находим по этому вопросу следующее.

«Отечественные учебники по логике выдержаны преимуще-

ственно в академической традиции. Западные (особенно американские) учебники по логике, как правило, содержат обширные разделы, посвященные поиску неформальных ошибок (informal fallacies) в обыденных рассуждениях. На многочисленных примерах в них разбираются намеренные и непреднамеренные ошибки и недостатки в рассуждениях... В отечественных учебниках раздел, посвященный аргументации, излагается существенно более академично, без многочисленных апелляций к конкретным примерам», – констатируют россияне В. А. Бажанов и В. И. Маркин [Бажанов, Маркин, 2013, с. 105]. Киевская коллега И. В. Хоменко признает сохранение еще с советских времен основной установки при подготовке профессиональных кадров, состоящей в том, чтобы «дать студентам универсальные знания по логике». Однако, добавляет она, эта установка не вполне оправдывает себя в настоящее время. Более целесообразной «является не универсальная, а более узкая специализация, ориентированная на определенную группу проблем» [Хоменко, 2013, с. 115].

Не составляет большого труда понять, что в приведенных сведениях, во-первых, отражена организация образования, отвечающая типичному для науки Моды 1 «процессу использования» неких всеобще-необходимых логических знаний; во-вторых, ее неудовлетворительность в сегодняшних условиях. Эти факты, сопровождаемые догадками о необходимости тесной обоюдной связи науки логики с многообразными проблемами человеческого бытия, могут найти объяснение в терминах контекстуализации, связанных с подходом Гиббонса – Новотны. Вместе с тем, в Украине и России, где до сих пор сильны позиции современного общества, сохранение влияния «условий Моды 1» не кажется большим сюрпризом. Однако вряд ли его следует безоговорочно защищать и поддерживать в перспективе глобализации информационного общества и становления «обществ знаний», соответствующей этому процессу логики Моды 2.

Таким образом, сегодня в Украине, да, вероятно, в России и Беларуси все еще преобладает наука логики Моды 1. Хотя

такое ее состояние не входит в противоречие с сохранением в данной области пространства-времени элементов современного общества, однако оно все больше расходится с реалиями мирового информационного общества с растущими зародышами обществ знаний, в том числе – с формированием науки Моды 2. Последний процесс предполагает контекстуализацию *науки логики* – но не только в смысле процесса производства знаний, а и его продуктов, а также соответствующего «переосмысления» логического образования. Идея достаточности уже завершенной формальной логики для познания современного мира и бытия в нем должна быть преодолена: науку логики следует понимать как чувствительный к варибельному социальному контексту баланс формальной и материальной составляющих, развитие которого продолжается.

Выводы

В терминах подхода Гиббонса – Новотны состояние *науки логики* в нашей стране до настоящего времени преимущественно соответствует «условиям Моды 1». Она по-прежнему сохраняет ориентацию на кантовский идеал формально-всеобщей нормативности, допуская поэтому лишь «процесс использования», приложения – как некоего априорного лекала к, по сути, безразличному для нее опыту бытия и познания. Однако наука логики общества Моды 1, как и само это общество, уже исчерпала свой потенциал, о чем свидетельствует, в частности, падение ее статуса в университетах, лишь усугубляемое присоединением к Болонскому процессу и другими подобными факторами.

Логическое наследие Моды 1 не ошибочно или бесполезно: ошибочна его абсолютизация, бесполезны попытки ограничиться им в улавливании мыслью изменчивого мира и варибельного опыта его освоения. Перспективы развития науки логики и повышения ее общественного статуса связаны с имманентной науке общества Моды 2 контекстуализацией, касающейся не только производства знаний, но и их содержания, а также логического образования.

В опубликованном в 2005 году всемирном докладе ЮНЕСКО «На пути к обществам знаний» отмечено, среди прочего, что каждый должен быть в состоянии легко преодолевать захлестывающий его поток информации, развивать навыки познания и критического мышления с тем, чтобы отличать «полезную» информацию от «бесполезной» [Towards Knowledge Societies, 2005, p19]. Достичь этого без *науки логики* не представляется возможным. Но таковая должна выйти за пределы Моды 1, превратившись в открытую в дифференцированное социальное пространство динамичную систему формальных и материальных элементов. Мировая логико-философская мысль ищет возможные варианты реакции на данный вызов, в частности, в разработках по неформальной логике и критическому мышлению (см., напр., [Тягло, 2013, с. 129–136]).

Сформулированные выводы существенно опираются на подход Гиббонса – Новотны. Однако он – не единственная попытка осмысления и объяснения современных изменений в мировой науке. Поэтому представляется интересным проверить / развить выдвинутую гипотезу о науке логики Моды 2 с учетом, например, подхода академика РАН В. С. Степина с ключевой триадой понятий «классика – неклассика – постнеклассика» [Постнеклассика: философия, наука, культура, 2009, с. 1–671].

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов В. А. Логическое образование в России: краткая история, современное состояние, перспективы // В. А. Бажанов, В. И. Маркин / Философские науки. – 2013. – № 3. – С. 98–109.

Берков В. Ф. Развитие и преподавание логики в Беларуси: история и современность / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, А. А. Легчилин // Философские науки. – 2013. – № 3. – С. 120–128.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 271 с.

Вступ до сучасної юридичної логіки / за ред. М. І. Панова та В. Д. Титова. – Харків : Ксилон, 2001. – 198 с.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 / И. Кант // Кант И. Трататы и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 319–444.

Постнеклассика: философия, наука, культура : [коллектив. моногр.] / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. – СПб. : Мирь, 2009. – 671 с.

Сумарокова Л. Н. Юридическая логика: коммуникативная концепция / Л. Н. Сумарокова. – Одесса : Фенікс, 2015. – 204 с.

Тягло А. В. «Наука рассуждать» в «быстром мире» / А. В. Тягло // *Философские науки*. – 2013. – № 3. – С. 129–136.

Тягло О. В. До поняття юридичної логіки / О. В. Тягло // *Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ*. – 2015. – № 3 (70). – С. 241–248.

Хоменко И. В. Преподавание логики на Украине: проблемы и перспективы / И. В. Хоменко // *Философские науки*. – 2013. – № 3. – С. 110–119.

Heidegger M. *The Metaphysical Foundations of Logic* / Martin Heidegger; translated by Michael Heim. – Bloomington : Indiana University Press, 1984. – vii, 241 p.

Gibbons M. *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Society* / Michael Gibbons, Camille Limoges, Helga Nowotny, Simon Schwartzman, Peter Scott, and Michael Gibbons. – London : Sage, 1994. – 192 p.

Nicolescu B. *Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of the Included Middle and Complexity* / Basarab Nicolescu // *Transdisciplinary Journal of Engineering and Science*. – 2010. – Vol. 1. – № 1 (December). – P. 19–38.

Nowotny H. *Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty* / Helga Nowotny, Peter Scott, and Michael Gibbons. – Cambridge : Polity, 2001. – ix, 288 p.

Nowotny H. «Mode 2» Revisited: The New Production of Knowledge / Helga Nowotny, Peter Scott and Michael Gibbons // *Minerva*. – 2003. – Vol. 41. – P. 179–194.

Nowotny H. *Re-Thinking Science: Mode 2 in Societal Context* / Helga Nowotny, Peter Scott and Michael Gibbons // *Knowledge Creation, Diffusion, and Use in Innovation Networks and Knowledge Clusters*. – Westport : Praeger Publishers, 2006. – P. 39–51.

Toulmin S. E. *The Uses of Argument* / S. E. Toulmin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1958. – 261 p.

Towards Knowledge Societies. UNESCO World Report. – Paris : UNESCO Publishing, 2005. – 220 p.

АВТОРЫ

Астахова Екатерина Викторовна – доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»; e-mail: rector@nua.kharkov.ua

Батаева Екатерина Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»; e-mail: bataevaekaterina72@yahoo.com

Бусова Нина Андреевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина; e-mail: alexmk2005@yandex.ua

Повторева Светлана – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального Университета „Львовская политехника”; e-mail: vedmedja@ukr.net

Перепелица Олег Николаевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина; e-mail: o.perepelytsia@karazin.ua

Тягло Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник образования Украины, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел; e-mail: olexti@mail.ru

Шильман Михаил Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина; e-mail: shilman_m@hotmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	35
РАЗДЕЛ 1. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	12
1.1. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса	12
<i>Бусова Нина</i>	
1.2. Коммуникативные и инструментальные модели обучения в современном вузе	45
<i>Батаева Екатерина</i>	
1.3. Университетский преподаватель: риски адаптации к условиям непрерывного образования	57
<i>Астахова Екатерина</i>	
1.4. Потребительство и анти-потребительство в образовательных практиках современных студентов	84
<i>Батаева Екатерина</i>	
1.5. К проблеме инструментализации образовательных стратегий студентов	94
<i>Батаева Екатерина</i>	
1.6. Инструментализация межличностных взаимоотношений в ситуации академического моббинга	106
<i>Батаева Екатерина</i>	
РАЗДЕЛ 2. ПРАКТИКИ ДЕКОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	129
2.1. Концепция деконструкции Ж. Деррида и её интерпретации в дискурсе постструктурализма	129
<i>Повторева Светлана</i>	
2.2. Университетские модели корпоративной коммуникации	141
<i>Перепелица Олег, Шильман Михаил</i>	
2.3. На пути к науке логики Моды 2?	161
<i>Тягло Александр</i>	
2.4. Практики самоконституирования и деконструкции в сфере образования	182
<i>Батаева Екатерина</i>	

О-80 **От коммуникативного** действия к практикам деконструкции в современном образовании : монография / [Астахова Екатерина, Батаева Екатерина, Бусова Нина, Перепелица Олег, Повторева Светлана, Тягло Александр, Шильман Михаил] ; под общ. ред. Е. В. Батаевой. – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 204 с.

ISBN 978-966-8558-93-6

В монографии рассмотрены возможности рецепции концепций коммуникативного действия Ю. Хабермаса и деконструкции Ж. Деррида в контексте современной теории образования; представлен критический анализ процессов инструментализации образовательных практик; проанализированы особенности коммуникативизации современного образования; рассмотрены условия формирования критического мышления в современной науке.

Для студентов, аспирантов и преподавателей социологического, философского и гуманитарного факультетов, а также для всех интересующихся проблематикой современной теории образования.

УДК 316.74:37
ББК 60.562.62

Наукове видання

АСТАХОВА Катерина
БАТАЄВА Катерина
БУСОВА Ніна
ПЕРЕПЕЛИЦА Олег
ПОВТОРЄВА Світлана
ТЯГЛО Олександр
ШИЛЬМАН Михайло

**ВІД КОМУНІКАТИВНОЇ ДІЇ
ДО ПРАКТИК ДЕКОНСТРУКЦІЇ
У СУЧАСНІЙ ОСВІТІ**

Монографія
(російською мовою)

За загальною редакцією доктора філософських наук,
професора К. В. Батаєвої

В авторській редакції
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 25.05.2017. Формат 60г84/16.
Папір офсетний. Гарнітура «Тайме».
Ум. др. арк. 11,86. Обл.-вид. арк. 10,13.
Тираж 300 пр. Зам. №

Видавництво
Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії
Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.